СОЧИНЕНІЯ

В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ ПО ВВЕДЕНІЮ ВЪ ФИЛОСОФІЮ И ПО ГНОСЕОЛОГІИ.

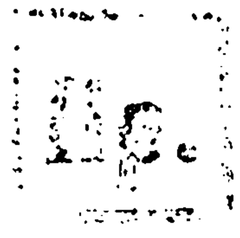
ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе Братства Преподобнаго Сергія.

2=я типографія
А. М. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1894.

13

[illegible] 1955



СОЧИНЕНІЯ В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ,

ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ ПО ВВЕДЕНІЮ ВЪ ФИЛОСОФІЮ И ПО ГНОСЕОЛОГІИ.

Изданіе Братства Преподобнаго Сергія.

Сергіевъ Посадъ

1894.

Типографіи *Н. П. Снегиревой*

въ Москвѣ и Сергіевомъ Посадѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
1. Метафизическій анализъ раціональнаго познанія . .	1—174
2. Метафизическій анализъ идеальнаго познанія. . .	175—367

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ

РАЦІОНАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

Исходнымъ началомъ нашей познавательной дѣятельности служатъ впечатлѣнія, получаемыя нами отъ окружающаго насъ міра при помощи внѣшнихъ чувствъ; эти впечатлѣнія преобразуются затѣмъ въ представленія, совокупность которыхъ мы называемъ внѣшнимъ, чувственнымъ опытомъ, а основанное на этомъ опытѣ первоначальное непосредственное познаніе вещей,—эмпирическимъ познаніемъ.

Задачею метафизическаго анализа этого рода познанія было рѣшеніе вопроса: соотвѣтствуетъ ли нашимъ представленіямъ о вещахъ дѣйствительное бытіе и въ какой мѣрѣ достовѣрно наше познаніе о нихъ *)?

Но представленіями вещей не ограничивается наше познаніе. Не смотря на безконечное разнообразіе содержанія, познаніе, не идущее далѣе представленій о вещахъ, было-бы самымъ скуднымъ познаніемъ. Представленіе говоритъ намъ только о томъ, что предметъ *есть*; но *что* такое онъ есть и *какъ* онъ есть, оно еще не высказываетъ. На вопросъ: *что* такое предметъ есть, отвѣчаетъ высшее и имѣющее болѣе значенія для знанія произведеніе познавательной силы нашего духа,—*понятіе;* въ немъ мы не только представляемъ предметъ, но и стараемся *понять*, что онъ такое. Ту способность нашего духа, которая изъ представленій образуетъ понятіе, мы называемъ *разсудкомъ*, а познаніе при помощи понятій,—раціональнымъ познаніемъ.

---

*) См. статью „Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія“ въ Сочиненіяхъ В. Д. Кудрявцева-Платонова, т. 1. вып. 2. стр. 67 и слѣд.

Теперь намъ предстоитъ подвергнуть метафизическому анализу произведеніе нашего разсудка, — понятіе, точно также какъ мы подвергали ему произведеніе чувственнаго познанія, — представленіе, — и рѣшить тѣже самые вопросы, которые были предложены нами относительно послѣдняго: соотвѣтствуетъ-ли нашимъ понятіямъ о вещахъ дѣйствительное бытіе и въ какой мѣрѣ достовѣрно наше раціональное познаніе?

Разсматривая понятіе съ метафизической точки зрѣнія, т. е. безотносительно къ разнообразному содержанію частныхъ понятій, мы легко замѣчаемъ, что существенная, характеристическая черта, отличающая его отъ представленія, та, что оно выражаетъ собою нѣчто *общее* многимъ представленіямъ. Представленіе относится къ одному конкретному предмету; понятіе обнимаетъ собою болѣе или менѣе обширную группу предметовъ. Оно достигаетъ этого извѣстнымъ логическимъ процессомъ: отвлеченіемъ и обобщеніемъ признаковъ, общихъ многимъ предметамъ. Итакъ, содержаніе понятія вообще, независимо отъ спеціальныхъ особенностей различныхъ понятій, собственно есть *общее* или бытіе общее, отличное отъ бытія конкретнаго, о которомъ даетъ намъ знать представленіе.

Но всматриваясь ближе въ то *общее*, которое составляетъ содержаніе понятія, мы замѣчаемъ при этомъ два характеристическіе оттѣнка между понятіями. Общее содержаніе, заключающееся въ понятіяхъ, составляютъ, какъ извѣстно, *признаки* или черты, общія многимъ предметамъ и отъ нихъ отвлекаемыя. Но одни изъ этихъ признаковъ, не смотря на ихъ общность, принадлежатъ только *многимъ* предметамъ или извѣстнымъ группамъ ихъ; эти группы, конечно, могутъ быть больше или меньше, уже или обширнѣе, судя по различной степени отвлеченности понятій. Такъ, напримѣръ, признакъ: *красный цвѣтъ* принадлежитъ меньшей группѣ предметовъ, чѣмъ признакъ: *цвѣтъ* вообще; признакъ: *тяжесть* можетъ быть приписанъ всѣмъ предметамъ матеріальнымъ, но онъ не можетъ быть приписанъ объектамъ духовнымъ и т. п. Вообще большая часть признаковъ, не смотря на обширный кругъ принадлежности или приписуемости ихъ предметамъ, должны быть названы признаками только общими, а не всеобщими. Но есть другаго рода признаки, которые мы можемъ приписать не только нѣкоторымъ или многимъ предметамъ, но и всѣмъ

предметамъ безъ исключенія. Напримѣръ, мы говоримъ, что каждая вещь имѣетъ какое либо *качество*, имѣетъ *причину* своего бытія, находится въ томъ или иномъ *отношеніи* къ другимъ предметамъ и пр. Очевидно, что понятія: качества, причины, отношенія и тому подобныя, могутъ быть примѣнены ко всѣмъ мыслимымъ предметамъ безъ исключенія; слѣдовательно, это признаки не только общіе, но и всеобщіе.

Отсюда видно, что и понятія по характеру ихъ признаковъ, могутъ быть или общими или всеобщими. Перваго рода понятія составляютъ самую большую часть нашихъ понятій, различаясь большею или меньшею общностью, степени которой обозначаются въ логикахъ терминами: классъ, родъ, видъ, подвидъ и т. п., принятыми въ такъ называемыхъ классификаціяхъ. Это понятія *общія*. Второго рода понятія, содержаніемъ которыхъ служатъ признаки всеобщіе, обыкновенно называются категорическими или *категоріями*.

Соотвѣтственно этимъ двумъ отличіямъ понятій и мы будемъ говорить сначала объ общихъ, затѣмъ о категорическихъ понятіяхъ, съ цѣлью рѣшить вопросъ: соотвѣтствуетъ ли общему и всеобщему элементамъ нашихъ понятій что-либо реальное внѣ нашего познающаго духа, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ и потому въ какой мѣрѣ достовѣрно наше, основанное на понятіяхъ, познаніе?

I.

Исторія вопроса о метафизическомъ значеніи общихъ понятій идетъ со временъ Платона. Послѣ того какъ Сократъ первый указалъ на важное значеніе понятій для нашего познанія, Платонъ старался разрѣшить вопросъ: что такое реальное внѣ нашего ума можетъ соотвѣтствовать понятіямъ и вообще всему основанному на понятіяхъ и ими выражаемому познанію? Это реальное, по его мнѣнію, составляютъ *идеи* вещей. Идеи суть вѣчныя, неизмѣнныя, существующія самостоятельно, независимо отъ вещей и прежде ихъ прототипы или сущности вещей; дѣйствительныя, въ пространствѣ и времени являющіяся, вещи суть только несовершенныя, болѣе или менѣе тусклыя отображенія идей. Какъ въ мірѣ явленій отображеніемъ идей служатъ дѣйствительныя вещи,

такъ въ нашемъ умѣ или въ нашемъ познаніи отображеніемъ ихъ служатъ *понятія* (λόγοι) *). Такимъ образомъ понятіямъ не только болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительные объекты, но они выражаютъ собою или отображаютъ истинную сущность вещей,—предметы не только какъ они являются намъ, но какъ они суть сами по себѣ, въ идеѣ. Отсюда само собою слѣдуетъ громадное значеніе понятій для нашего познанія, такъ какъ только при помощи ихъ мы можемъ познавать истинную сущность вещей.

Свой взглядъ на значеніе общихъ понятій Платонъ не ограничиваетъ однимъ какимъ-нибудь классомъ ихъ, напр. понятіями родовъ и видовъ дѣйствительно существующихъ въ природѣ предметовъ. У него каждое общее понятіе выражаетъ какую-либо идею. Вотъ почему онъ говоритъ объ идеяхъ кровати, стола, силы, здоровья, голоса, цвѣта, объ идеяхъ отношеній и свойствъ, объ идеяхъ математическихъ фигуръ, даже объ идеяхъ небытія и того, что, по своей сущности, повидимому, составляетъ даже противорѣчіе идеѣ. Однимъ словомъ, идею, по мнѣнію Платона, должно допустить вездѣ, гдѣ только какое-нибудь множество имѣетъ одно общее названіе и обозначается однимъ словомъ или, какъ выражается Аристотель, Платонъ для каждаго класса вещей полагаетъ особую идею **).

Несомнѣнная заслуга Платона въ томъ, что онъ первый выставилъ вопросъ о значеніи общихъ понятій и отношеній ихъ

---

*) Иногда смѣшиваютъ Платоновы идеи съ понятіями. Но, какъ замѣчаетъ Юберверъ, мы во всѣхъ сочиненіяхъ Платона напрасно стали бы искать хотя одно мѣсто, гдѣ слово ἰδέα или εἶδος обозначало-бы или сообозначало субъективное *понятіе*. Подобное пониманіе слова: идея, могло быть внесено только комментаторами и переводчиками его сочиненій. Logik. p. 108.

**) Arist. Metaph. XII. 2. Для разъясненія Платонова ученія объ идеяхъ особенное значеніе имѣетъ одно мѣсто въ началѣ Парменида. Парменидъ спрашиваетъ молодого Сократа: что такое онъ считаетъ за идею? Сократъ безусловно признаетъ нравственныя идеи, какъ напр. идеи справедливости, красоты, блага; идеи физическія, напр. идею человѣка, огня, воды онъ допускаетъ только послѣ нѣкотораго колебанія; идеи же того, что составляетъ только безформенную массу или часть чего-либо другаго, каковы напр. волосса, лужа, грязь, онъ вовсе не признаетъ. Но тутъ Парменидъ (отъ имени котораго здѣсь говоритъ Платонъ) возражаетъ ему и замѣчаетъ, что когда онъ вполнѣ постигнетъ философію, то и эти онъ вещи не станетъ считать

къ дѣйствительному бытію. Онъ совершенно вѣрно старался къ субъективному понятію найти объективный его коррелятъ, опредѣлить, *что* соотвѣтствуетъ ему внѣ нашего ума. Но ошибка его въ томъ, что вмѣсто того, чтобы искать этотъ коррелятъ въ сущности, заключающейся въ самихъ-же вещахъ, онъ олицетворилъ эту сущность въ видѣ идеи, какъ предмета существующаго внѣ вещей и отдѣльно отъ нихъ; другими словами, —въ томъ, что онъ идеѣ приписалъ самобытное существованіе. Вотъ почему Аристотель въ своей полемикѣ противъ него справедливо замѣтилъ, что его идеи суть ненужныя *удвоенія* вещей, т. е. не нужное признаніе, кромѣ реально существующихъ вещей, еще сверхчувственныхъ ихъ прототиповъ; самосущія Платоновы идеи онъ приравниваетъ къ антропоморфическимъ божествамъ народной миѳологіи.

Но опровергая Платоново ученіе объ идеяхъ, какъ объектахъ, обозначеніемъ которыхъ служатъ понятія, Аристотель далекъ отъ той мысли, будто наши понятія имѣютъ только субъективное значеніе, такъ что имъ не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго внѣ нашего ума. Полемика его противъ Платона направлена собственно противъ отдѣленія имъ идей (*χωρίζειν*) отъ единичныхъ предметовъ, какъ самостоятельныхъ сущностей. Сущность вещи (*οὐσία*), по его ученію, не отдѣлима отъ самой вещи; она существуетъ въ ней и съ нею, но не надъ нею и не прежде ея, какъ училъ Платонъ объ идеѣ. Но такъ какъ эта сущность во многихъ однородныхъ вещахъ или существахъ одна и таже, то является возможность обозначать ее однимъ и тѣмъ-же словомъ; это мысленное обозначеніе словомъ и есть понятіе. Такимъ образомъ понятію въ дѣйствительномъ мірѣ соотвѣтствуетъ сущность вещи; эта сущность вещи въ чувственномъ бытіи есть ея *форма*, то, что вещь есть (*μορφὴ, εἶδος, το τι εστὶ*). Впрочемъ, такое воззрѣніе на значеніе реальнаго, выражаемаго понятіями, очевидно можетъ относиться только къ понятіямъ, обозначающимъ реальные предметы. Что-же касается до понятій отвле-

---

ничтожными, то есть, это значитъ, онъ найдетъ, что и онѣ причастны идеѣ, хотя самымъ отдаленнымъ образомъ. Этимъ выражается мысль, что нѣтъ такой области бытія, которая-бы была совершенно чужда идеѣ и что, поэтому, самое случайное и неразумное нужно вводить въ кругъ идеальнаго пониманія, что все существующее должно понимать, какъ разумное.

ченныхъ, выражающихъ напр. качества, свойства, отношенія вещей, то въ ученіи Аристотеля объ этомъ предметѣ много неяснаго, неопредѣленнаго и даже противорѣчащаго, такъ что и до настоящаго времени здѣсь открыто обширное поле для различныхъ догадокъ и толкованій *). Довольно замѣтить, что, благодаря этой неопредѣленности, Аристотель, въ противоположность Платону, долго считался защитникомъ мнѣнія о субъективномъ только значеніи понятій. Послѣ Аристотеля въ древности для разъясненія вопроса объ отношеніи понятій къ реальному бытію не сдѣлано почти ничего новаго. По ученію стоиковъ, у которыхъ встрѣчаемъ мнѣніе объ этомъ предметѣ, понятія (*λόγοι*) суть чисто субъективныя произведенія нашего ума. Правда, и во внѣшнихъ предметахъ существуетъ или обитаетъ *λόγος*, т. е. всеобщая разумность, и эта разумность или законосообразность раздробляется или раздѣляется на множество отдѣльныхъ *λόγοι*; но при этомъ остается совершенно неяснымъ, въ какое отношеніе эти реальныя обнаруженія разумности въ вещахъ, эти *λόγοι*, стоики поставляли къ выраженіямъ нашего субъективнаго разума, т. е. къ понятіямъ.

Вопросъ о значеніи общихъ понятій, оставшійся въ тѣни въ древней философіи послѣ Платона и Аристотеля, съ особенною силою возникъ во времена схоластики **). Противоположное рѣшеніе этого вопроса раздѣлило большую часть схоластиковъ на двѣ партіи: номиналистовъ и реалистовъ, борьба которыхъ длилась цѣлыя столѣтія и велась съ необычайнымъ оживленіемъ. Номиналисты, во главѣ которыхъ стоитъ Росцеллинъ (1089) считали всѣ общія, родовыя понятія

---

*) Подробнѣе объ этомъ см у Überweg: Logik. p. 109—110.

**) Онъ только былъ намѣченъ позднѣйшимъ представителемъ древней философіи неоплатоникомъ Порфиріемъ. Въ своемъ введеніи къ трактату Аристотеля о категоріяхъ, изложивъ мнѣнія древнихъ объ этомъ предметѣ, онъ замѣчаетъ, что отказывается при этомъ касаться вопросовъ слишкомъ трудныхъ и разсуждать о томъ напр.: „существуютъ-ли на самомъ дѣлѣ *роды* и *виды*, или же имѣютъ мѣсто только въ нашей мысли, и если существуютъ, то тѣлесны-ли они или безтѣлесны, и отдѣльно-ли отъ предметовъ чувственныхъ или въ самыхъ этихъ предметахъ, совмѣстно съ ними, существуютъ“. Слова эти послужили поводомъ, возбудившимъ долговременные споры въ Средніе Вѣка о значеніи такъ называемыхъ универсалій, или, иначе, родовъ и видовъ. Линицкій: Идеализмъ и Реализмъ (Вѣра и Разумъ. 1884. № 17. 200).

одними именами (nomina, sermones, flatus vocis, — отсюда и названіе: номиналисты), т. е. чисто субъективными произведеніями нашей мысли, которымъ ничего въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, реальное бытіе принадлежитъ только индивидуумамъ и предметамъ конкретнымъ. Реалисты (первымъ въ ряду которыхъ былъ Вильгельмъ von Schampeaux, ученикъ Росцеллина) думали напротивъ, что существуетъ только общее, и что, поэтому, въ понятіяхъ выражается истинная сущность вещей, — самая *вещь* (res, — отсюда и названіе: реалисты). Въ своемъ ученіи реалисты склонялись частію къ Платонову, частію къ Аристотелеву воззрѣнію на общія понятія, то есть, одни признавали существованіе объектовъ общихъ понятій, по подобію Платоновыхъ идей, прежде самыхъ вещей (universalia ante rem); другіе, какъ Аристотель, въ самыхъ вещахъ (univ. in re) и неразрывно съ ними. Номиналисты въ свою очередь представляютъ намъ также два оттѣнка: строгіе номиналисты, въ точномъ смыслѣ слова, признавали, что обозначаемое общими понятіями содержаніе существуетъ въ мыслящемъ духѣ, какъ отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ предметовъ (conceptus mentis, notiones seu cogitationes ex singularum similitudine specierum collectae; un. post rem) *). Споры номиналистовъ и реалистовъ принимали иногда ожесточенный характеръ, странный, повидимому, для такого отвлеченнаго метафизическаго вопроса, потому что при тѣсномъ отношеніи въ то время философіи къ религіи, они не замедлили отразиться и въ томъ или иномъ пониманіи догматовъ христіанской вѣры. Та и другая партіи, при самомъ появленіи своемъ, начали обвинять другъ друга въ ереси и первый номиналистъ Росцелинъ былъ принужденъ соборомъ въ Соассонѣ (1092) отказаться отъ своего ученія. Затруднительный пунктъ здѣсь состоялъ въ соглашеніи теоріи номинализма и реализма съ ученіемъ о Святой Троицѣ. Послѣдовательно проведенный реализмъ долженъ былъ придти къ отрицанію Троичности Лицъ въ Божествѣ, потому что для реалиста, признающаго истинно сущимъ только общее, а не конкретное, могъ существовать только Богъ вообще, а не конкретныя лица. Номиналистовъ,

---

*) Подробности см. у Prantl, Gesch. d. Logik. 11. 118 et sq.